

Лиля – моя соседка по подъезду. В восемьдесят седьмом мы переехали в дом номер один по улице Авроры. Эта серая девятиэтажка оправдывала свой номер – была единственной высокой постройкой в радиусе полутора километров.

До четырех лет я росла в общежитии. Пятнадцатиметровая комнатка с решетками на окнах, один туалет на весь этаж. Запах сваренных щей смешивается с благоуханием

поджаренных котлет, аромат убежавшего молока соединяется с вонью протухшей селедки...

Тут нечисто, неопрятно, как и во всех общагах. Тяжело создать уют, когда у тебя куча вещей и книг, а в комнате нет ни шкафа, ни полка. Все добро разложено по коробкам и громоздится на полу, покрываясь пылью.

Но как же здесь весело в общем коридоре! Ребяшня катаются наперегонки на велосипедах. Взрослые спокойно переступают через нас, когда мы своей бандой усаживаемся на корточки, замышляя очередную игру.

В восемьдесят шестом папа, мама и я приехали в первый раз посмотреть нашу будущую квартиру. В подъезде запах извести. Я цокаю сапожками по лестнице, пытаюсь понять: а где же люди-соседи?

Тут на подоконнике своей комнаты я оставляю красного пластмассового медведя: «Пускай охраняет квартиру, я скоро вернусь...»

Я несколько раз оборачиваюсь на него, когда мы удаляемся от дома. Мама и папа о чем-то разговаривают, и я чувствую, что они рады переменам. Радуюсь ли я? Мне все равно: хорошо им – хорошо и мне.

Мои игрушки при переезде погрузили в коробку из-под телевизора. Ее поставили в моей комнате. Я перехожу из спальни в зал и обратно, потом обращаюсь к маме: «А где все мои друзья из общежития? Они скоро сюда переедут? Я хочу к ним».

Мама объясняет, что теперь мы живем тут втроем, что общежитие далеко и что надо как-то к этому привыкнуть. Вот так я впервые осталась без друзей и подруг и почувствовала себя одинокой.

Внизу нашу девятиэтажку окружают частные дома. Никакой асфальтированной дороги и фонарей.

Весной мы пробираемся к жилищу чуть ли не на ощупь. Родители ворчат. А мне нравится заглядывать

в окна с резными ставнями, мимо которых мы проходим. Там люди суетятся, заправляют постели, ставят чайник, складывают вещи в шкаф. В нашей же девятиэтажке ничего подобного нет – все одинаковое: каждый заходящий в подъезд человек нажимает кнопку лифта, выходит на нужном этаже, закрывает дверь, и не угадаешь, что за этой дверью происходит.

Родители отдали меня в гимназию, которая располагалась в центре города. Это сейчас мы садимся в маршрутку и доезжаем до того самого центра за пятнадцать минут. В начале 90-х с остановки, на которую мы спешили по утрам, ходил автобус – желтая пыхтящая гармошка.

Он подъезжает, и оголтелая толпа врывается в салон, топчя всех кругом, занимая места.

Уже в первом классе я стала активным борцом за место в автобусе. А как по-другому выспишься? Ночью я спала плохо, потому что боялась темноты, а тут целый час дремы... Протискиваюсь, расталкивая всех локтями, занимаю первое место – оно самое удобное. Там есть подставка для ног. Теперь можно развалиться и спать. Пассажиры шумят, ругаются, едкий запах сгоревшего бензина проникает в одежду, а ты спишь, и нет лучшей радости.

Я завидовала детям, которые ходили в школу неподалеку от нашего дома. Наблюдая за ними из окна, я видела, что они шли веселой толпой, толкали друг друга в снег.

Мне было тяжело в школе – ни подруг, ни компании. Я приезжала домой и остаток дня сидела перед учебниками. Но и учеба давалась мне с трудом. Каждые две недели я сваливалась с температурой и оставалась дома. Просто мне не хотелось туда идти.

Родители не разрешали мне гулять одной. Настало время, когда по телевизору то и дело рассказывали про маньяков, убийц, грабителей. Так дом на отшибе стал моей тюрьмой...

Как-то мама зашла к соседям – за мукой. Ее долго не было. Вернулась она, держа за руку серьезную девчонку с косичками-бубликами, в пятнистом коротеньком платье. Я вспомнила, что не раз видела ее из окна в шумной компании школьников.

Девчонка протягивает мне коробку с вкладышами от жвачек.

– Давай меняться. Меня Лиля зовут, – произносит она смущенно.

Все мы тогда собирали эти фантики – «Бублигум», «Лав из».

Я молча достаю свою коллекцию, раскладываю на полу разноцветные картинки, и мы высматриваем одинаковые изображения. С этого и началась наша дружба.

Я часто оставалась ночевать у Лильки. Ее родители уезжали на дачу и оставляли ее одну.

Лилька боялась темноты.

Мы лежим рядом и рассказываем друг другу страшные истории: «В черной-черной комнате...», «В дом приходит Пиковая дама...» А потом я восклицаю: «Что там в зеркале? Уж не приведение ли?» – мы орем и прячемся под одеяло.

Теперь мне уже не одиноко – я захожу к Лильке после школы каждый день, мы включаем на всю громкость магнитофон и вопим что есть мочи песни Курта Кобейна. В какой-то момент на пороге появляется крупная фигура женщины с гневным выражением лица, нахмуренными бровями – Лиляна мама тетя Расима. Она кричит что-то по-татарски. Лилька вздрагивает, выбегает в коридор, хватается мамины сумки, тащит их на кухню. Я остаюсь в комнате и, поймав удачный момент, сбегая домой. Единственное слово, которое я узнала от тети Расимы по-татарски, – «яцыз» (бесстыжая).

По утрам, уже в родительской квартире, мы просыпаемся от воинственного клича все той же Лилькиной мамы. К ней

присоединяется ее муж – папа Лильки дядя Эдик. С виду он интеллигентный инженер, чем-то напоминающий доктора Айболита – с седой бородой, в очках. Дядя Эдик гоняет из комнаты в комнату жену и дочь. Хлопают двери.

Мама повторяет: «Кошмар! Что у них там происходит?»

Но вскоре мы привыкаем к их утренним концертам...

Странно, но Лилька совсем не похожа на родителей.

Даже внешне: у нее светлые волосы и зеленоватые глаза и вовсе не такой характер, как у тети Расимы.

У Лильки случаются жуткие истерики.

Я захожу к ней, и она тащит меня в ванну. Она стоит перед зеркалом, а в руке у нее ножницы.

– Вот вам, вот вам, – орет она и с остервенением срезает пряди волос...

– Ты что делаешь? Ненормальная!

Я пытаюсь выхватить ножницы... А потом мы сидим на полу ванной перед копной из волос.

– Что ты наделала, дура? – Мне обидно до слез, я же знаю, как берегла и как ухаживала за волосами Лилька.

– Мама мне не дает денег на парикмахера! – всхлипывает она. – Пусть тогда я буду вот такой... Лысой и никому не нужной.

Обнимаю ее. Она слишком часто плачет, а еще хватается за нож, режет кожу. Наверное, чтобы ощутить себя живой. И от этого страшно.

Но я вижу ее и другой. Она следит за собой, покупает на скопленные деньги косметику и крема.

– Вот так длина, – говорю я с придыханием, глядя на то, как Лиля вытягивает кисточкой ресницы, крася их тушью. Теперь они долетают до бровей, ее зеленые глаза распахиваются и становятся еще больше.

Лилька не верит, отнекивается: «Я уродина, ничего красивого во мне нет, ты посмотри на нее», – кивает она головой на постер с фотографией Синди Кроуфорд.

В такие моменты мне кажется, что это я уродина... Если сама Лилька так строга к себе, то что говорить обо мне? Сутулая, маленького роста.

***

В подъезде проказничали хулиганы. Мальчишки то поджигали почтовые ящики, то писали на стенах матерные слова. Как-то на нашем этаже жильцы учуяли жуткий запах.

Мать несколько раз подходила к двери тети Расимы, стучалась, никто не открывал. Видимо, уехали куда-то. Вечером мы услышали шум в подъезде. Мать открыла дверь. Пьяная тетя Расима напевала татарскую песню, пытаюсь попасть ключом в замочную скважину.

Я смотрела на них в глазок. Грузная тетя Расима справилась с замком, распахнула дверь, скинула на пол шубу и стала стягивать сапоги.

Мать зашла к ней:

– Ты чего?

– Ничего, бывает же, Тань, ну бывает.

– Бывает, – протянула мать. – Давай сапог, помогу.

Мать схватила подошву и стала тянуть.

Сапог слетел. И они засмеялись.

– Это от твоей двери воняет, – сказала мать, – вонь жуткая целый день.

Они осмотрели дверь и никак не могли понять, что же произошло.

– Воняет, точно, – отозвалась тетя Расима и подняла указательный палец.

Позже выяснилось, что это набедокурили хулиганы с нижнего этажа. Иголкой от шприца проделали в обивке маленькую дырочку и впрыснули туда яйцо. Несколько раз их родители приходили к тете Расиме во время их утренних семейных склок, они просили вести себя потише, но их просьбы остались неслышанными.

Мать зашла домой и сказала:

– Сняла с Расимы сапог, а у нее на колготках дырка... Смешно прямо, дорогие сапоги и старые колготки, купить, что ли, не может?..

– Так их же не видно, – пожалала я плечами.

Соседи не знали, что делать с дверью, пытались ее заклеить, облепить скотчем, но запах не уходил. Тогда дядя Эдик выдрал часть обивки и ниткой зашил кожу. Так на красной кожаной двери появился черный шрам, еще долго напоминавший нам о времени девяностых. Клей вообще прекрасная штука, при помощи которой можно соединить все что угодно, только не нас с родителями.

На шестнадцатилетие Лилька пригласила подруг. Она старше меня на два года, я тоже жду шестнадцатилетия. Подруги купили бутылку водки и рябину на коньяке. Я выбрала рябину, они пили водку, побоялась напиваться, потому что за стенкой – родители. Да и вообще я пай-девочка. Но это, естественно, маска.

Рябина – полная дрянь. Пелена на глазах. Хочется немедленно выйти из состояния быстрого затмения мозгов. Сижу, и лица расплываются в тумане. Но сижу.

Остальные нахрюкались как свиньи. Через час я уже слышу «буэ-э-э» из туалета.

«Бедная Лилька, и что сейчас будет, когда ее мама вернется?» – переживаю я.

Но, к моему удивлению, через час, изрядно проблевавшись, все выползли на свет, вновь приобретя человеческий облик. И тетя Расима ничего не заметила.

Люблю Лильку за хозяйственность – она лет с семи умеет готовить.

Меня никто не учил вести хозяйство, и я неумеха.

На полках в их кухне красуются банки со специями, бутылки с соусами... На подобных кухнях, кажется, происходит нечто магическое – женщины готовят при-

воротные зелья или колдуют над лечебными отварами. Это царство, в котором Лилька шаманка... Она по очереди подносит к носу коробки со специями и всякий раз безошибочно определяет, что положить в суп, в рагу, в плов...

Мы с Лилькой вытаскиваем из шкафчика муку, нарезаем деревенское мясо на мелкие кусочки, то же самое делаем с картошкой.

Она замешивает тесто...

– Сегодня снова готовим балиш, – говорит Лилька важно.

Мы будто на съемках кулинарной программы. Не хватает только колпака и фартука.

Я крошу лук неумело. Жмурю глаза. Нож постоянно соскальзывает с луковицы. Лильке больно на это смотреть. Она кривит лицо.

– Запомни, обязательно надо добавлять в говядину гусятину, хоть немного! – говорит она строго. – Кладем наше одеяльце, – продолжает Лилька, аккуратно выстилая тонким слоем теста чугунную сковородку, – теперь мясо с картошкой и накрываем другим одеяльцем.

Она вертит головой то вправо, то влево, проверяя, все ли сделано как надо.

Одеяльца отправляются в духовку. Мы следим за балишом через окошечко в дверце духовки.

Плиту эту купила Лилькина мама на свою премию и очень ей гордится – газ включается кнопкой, а в духовке горит фонарик, освещающий приготавливаемое блюдо.

– Хочу быть поварихой... – мечтает Лилька. – Я всю жизнь могу провести на кухне! Когда что-нибудь пеку, то прям кайфую... Мне нравится, что даже мама улыбается, когда у меня получается что-то вкусненькое.

Я интересуюсь:

– А почему твоя мама редко улыбается?

– Она ворчит, что у папы маленькая зарплата. Ей приходится горбатиться за двоих... – грустно отвечала она. – Наверное, поэтому.

– У нас то же самое... – пожимаю я плечами, – но мама улыбается.

– Все люди разные, – отворачивается Лилька. Ей неприятен наш разговор.

Мы жили скромно, на учительскую зарплату, а Лилькина мать работала заведующей магазином.

А мне на завтрак готовили картошку, потому что больше в доме ничего не было. Иногда, если повезет, я ела макароны.

Из мяса мы варили суп. Его хватало на два-три дня.

Однажды мать, придя с работы, поставила на стол четыре железные банки. Папа взял одну и повертел в руках. Банки были без названия.

– Что это? – спросил он.

Мать хитро посмотрела на него сияющими глазами и заговорщически произнесла:

– Тушенка...

Отец тут же полез в стол за открывалкой. Мама запорхала по кухне:

– Надо картошечку отварить, помнишь, Марат, как в студенческие времена у нас на даче...

Она уже начала рассказывать историю из их молодости, как вдруг услышала возглас отца:

– Вот гады!.. Ты где это купила вообще? Нет, ты посмотри, посмотри, а... – Он протянул нам банку, и мы заглянули внутрь.

Там была болотного цвета трава.

– Ну-ка, вторую открывай, – закричала мать.

Во второй то же самое... Как и во всех остальных.

Морскую капусту подсунили матери на Центральном рынке цыганки.

– Подошли и говорят: «Тушенку надо?» А у меня сегодня расчет был, ну я и взяла. Сволочи, как же так можно! – плакала она.

Отец пнул коробку с картошкой:

– Поехали туда, может, они там еще.

Вернулись они через час ни с чем.

Одну банку капусты мы съели с картошкой.

– А что делать с тремя другими? – задумалась мать. – Пойду Расиме предложу, не выбрасывать же. Вон они шумят в коридоре, схожу посмотрю, что они там делают.

Мама отрыла дверь. Дядя Эдик и широкоплечий высокий мужик втаскивали в квартиру Лильки персидский ковер.

– Эдик, Расима дома? Вам капуста морская нужна?

Красный дядя Эдик указал ей на кухню:

– Иди ей предложи.

Тетя Расима обрадовалась капусте, но взяла одну банку. Остальные отец выбросил в мусорку. Видимо, со злости.

***

Тетя Расима при своей невероятной скупости имела пристрастие обставлять дом дорогой мебелью и посудой. Казалось, стоит только приоткрыть дверцу серванта, как на тебя оттуда посыплются фарфоровые чашки, тарелки, хрустальные рюмки.

В их жилище царила чистота, подушки они накрывали ажурной сеточкой, а на кроватях лежали шелковые покрывала. Белоснежная кровать, на которой мы с Лилькой часто прыгали, представляя себя певицами, пахла деревом и лаком.

О том, что мы прыгали на кровати, тетя Расима не знала, потому что не простила бы нас за эту шалость.

Ответственность за чистоту дома всегда лежала на Лильке. Она, словно балерина, танцевала, летя из одного

конца в другой, и протирала трюмо, полки, стол, сервант. На подоконниках их окон стояла красная герань.

– Этот запах, – говорила Лилька, – лечит бессонницу и нервные срывы.

«Хорошо было бы все комнаты в их квартире заполнить горшками с геранью», – думала я.

Мне «везло» на несчастные любви. В девятом классе мне понравился один несимпатичный парень – весь прыщавый и глупый. Почему понравился? Может, потому, что я совсем не разбиралась в мальчишках... И вот я пришла к Лильке за советом.

– Когда мы влюблены, мы не видим прыщей и тупости, – сказала она глубокомысленно, повертев в руке его фотку.

Я игриво спросила: «Он самый лучший?»

Лилька расхохоталась: «В мире крокодил...»

Конечно, я не обиделась, мы посмеялись и начали готовить котлеты.

Лиле нравился Паша. Блондин с голубыми глазами. Он дружил с ее двоюродным братом, который часто заходил к ним в гости. Лилька тогда прибегала ко мне через день, чтобы погадать. Какой я была гадалкой, нетрудно себе представить, но мы верили, что по картам можно узнать будущее.

Иногда Лилька плакала, говорила: «Ну, я так и знала, опять разбитое сердце вышло...» Разбитое сердце выходило через день, но она почему-то иногда этого не замечала. В эти моменты я боялась за нее, вспоминая, с каким остервенением однажды она отрезала себе волосы...

– Мама говорит, что Паша мне не подходит, – говорит Лилька. – Он русский, а мне нужен татарин... И вообще, чего за внешностью гнаться? Ну блондин, ну красавчик. А я-то...

– Опять «а я-то».

– Ты знаешь, я на него смотрю через бинокль, – шепотом говорит она.

– Больная... Это как? Следишь, что ли? – удивляюсь я.

– Ага, иди-ка сюда, – зовет Лилька.

Мы открываем шторы, и она наводит бинокль на окно напротив.

– Маньячка, – смеюсь я.

– Он редко к окну подходит. В институт же поступил. Учится все, наверное...

Глаза Лильки горят, будто бы ей только что подарили подарок...

Однажды я видела, как Дед Мороз (мой папа) подарил ей подарок. Лилька тогда училась в пятом классе и всерьез подумала, что мой отец – Дед Мороз. Я-то сразу вычислила его по носкам.

Ну, допустим, Дед Мороз надел папины тапочки, но его черно-белые носки с красными точками он никак надеть не мог, ведь мама уверяла, что такие носки есть только у него и она их купила в Москве во время командировки.

Лилька все равно поверила – Дед Мороз существует... Странно было ожидать этого от такой взрослой девчонки... Я была ошеломлена такой чистой верой в Деда Мороза. Родители хихикали на кухне и шушукались: «Поверили вроде...»

Я решила никогда не рассказывать Лильке про то, что Дед Мороз – мой папа.

Однако в тот же вечер, в день, когда Лилька поверила в чудо, тетя Расима, уже будучи в подпитии, раскрыла правду:

– А моя-то идиотка решила, что ты, Марат, – Дед Мороз.

Мы были у них в гостях, и мне так хотелось, чтобы она заткнулась. Мой отец глупо улыбался. Тетя Расима, дядя Эдик и мой отец пили водку. И больше не говорили о Лильке. Мы пошли в ее комнату. Она открыла окно и швырнула туда подарок – это была картонная коробка со сладостями...

– Что ты сделала? Зачем? – спросила я.

– А зачем идиотке подарок? – ответила она грубо.

Мы молча сидели в тишине. Потом она выключила свет и сказала: «Я ложусь спать, иди домой...» Почему взрослые иногда не задумываются о том, что разрушают нас своими словами?

Как-то раз Лилька громко постучалась и с порога бросилась на шею:

– Пашка в кино пригласил! Встретил меня такой на улице и говорит (она хотела его изобразить и зачем-то выгнула спину): «Конец лета, а мы с тобой еще в кино ни разу не сходили!» Представляешь, да? А-а-а-а! Можно возьму сережки твои висячие? – Лилька бросается к лакированной коробке с бижутерией. Белые пластмассовые сережки с висящими цепочками – все мои богатства.

– Конечно! И юбку красную тебе еще надо, – заключаю я, хотя мало чего понимаю в моде.

Мы вываливаем из шкафа вещи и устраиваем модный показ.

– У меня кофточка белая есть, – запыхавшись от внезапно свалившейся радости, говорит Лилька, – там титьки видно. Ее надену. И юбку вот эту твою – красную! Офигеть у вас вещей! Мамка у меня строгая, ничего толком не покупает мне из одежды. Форма, говорит, есть – и ладно. А у тебя вон сколько всего!

– У нас бабушка шьет, – оправдываюсь я.

Мне даже совестно за то, что у нас столько вещей, а у нее нет.

– Да, ты говорила, что бабка твоя шьет, – отвечает Лилька, разглядывая мамин пиджак.

– А если я его надену, а? Что скажешь? Твоя мамка ругаться не будет?

Зная, что моя мама вообще редко ругается, восклицаю: «Конечно, нет!..»

Мне не по себе. Я дорожу своей одеждой и не могу представить, чтобы ее надел кто-то другой. Но Лилька не чужая. Она своя.

– Рассказать матери, что на свидание иду? – прерывает думы Лилька.

Я чуть не поперхнулась:

– Конечно, нет! Ты же знаешь, как она к Пашке относится...

– А что мне сказать-то? Я ей всегда говорю, куда хожу. Она просто так не отпускает.

Пожимаю плечами.

– Все что угодно, но не правду, и как придешь из кино, сразу ко мне, – пригрозила пальцем я.

– Да, поняла, конечно... – ответила Лилька.

Вечер наступил. Я все прислушивалась, ожидая звука хлопающей двери. И вот дверь, кажется, открылась.

Мчусь к глазку. В коридор выбегает тетя Расима. Она резко поднимает руку и отвешивает Лильке пощечину, хватая дочку за волосы. Лилька падает и кричит...

Больше я ничего не вижу. Только их красную дверь с черным шрамом.

Две недели от Лильки нет вестей. Мать не выпускает ее из дома. Телефона у нас в квартире нет... И я постоянно вздрагиваю при звуке открывающейся двери.

Наступил сентябрь. Я иду домой из школы и вижу Лильку, она в сером плаще с опущенной головой бредет мне навстречу. Мы равняемся.

– Как дела?

– Пошли за гаражи, – сухо отвечает Лилька.

Мы идем за угол молча. Начинает накрапывать дождь. Лето в этом году было недоброе, слякотное и серое. Осень еще хуже.

– Мать мне такое устроила! Телефон Пашкин пришлось дать ей, она ему позвонила, наорала... И главное, гово-

рит опять, что мне богатый нужен, татарин... Зачем? Что, прямо сейчас надо замуж выходить?

Мы стоим между гаражами, серыми, как небо, и курим.

– Я боюсь маму, – говорит Лилька. – Боюсь, что она будет нервничать и умрет... Она орет, орет, а потом ложится на кровать и говорит: «Скорую вызывайте, наверное, инфаркт».

«Какой инфаркт у этой кобылицы? Скорее Лилька умрет, чем эта розовощекая большая женщина», – разозлилась я. И почему ранее мне не приходило в голову, что эта Расима ненавидит и дочь, и мужа, и мою семью, и меня? С какими красными от злости глазами она смотрела на нас, детей, играющих, веселящихся... И что останется у меня в памяти от тети Расимы, кроме ее слова «яцыз»?

С Пашкой Лилька больше не виделась. Он переехал с родителями на Север.

Лилька долго была одна, а тетя Расима хотела выдать ее замуж.

– Нормальные девки уже повыскакивали, а ты бестолочь...

У нее была навязчивая идея с кем-нибудь свести дочь. Однажды и меня позвали на смотрины. Из Баймакского района приехал сын друзей родителей – черненький и маленького роста мужичок.

Он все время молчал и теребил в руках салфетку. Тетя Расима приготовила курицу в духовке, положила ему в тарелку большой кусок курицы, и он ковырял ее вилкой. Робко и совсем не по-мужски. А потом вообще сказал, что не голоден. Кастинг женихов он не прошел. Отец Лильки напился, и тете Расиме было стыдно. За него и за большой кусок курицы, положенный в тарелку жениха, за Лильку, которая всем видом показывала, что сын друзей ей не пара.

– Мама говорит, что выходить замуж по любви – глупость, – сказала она тем вечером. – На одной любви далеко не уедешь...

Мы отправились на крышу, сказав взрослым, что Лилька пошла ко мне, а я к ней. Взрослые казались с высоты маленькими муравьишками, мы видели только их головы – в шапках, шляпах, платках.

– Помнишь, я хотела стать поварихой? А сама учусь теперь на биолога... А помнишь, я хотела встречаться с Пашкой? В итоге одна. Все у меня так, как мама мне сказала: не по любви... Значит, я на верном пути, – рассмеялась она.

Я представила: было бы здорово, если бы она собрала чемоданы и уехала от тети Расимы и дяди Эдика в неизвестном направлении...

Лиля часто гостила в деревне у подруги Леры. У подруги был красивый парень. Он ушел в армию. И Лера изменила ему с другим.

Обо всем этом я узнала от Лильки.

– Вот подлая гадина, ну ничего, я ему обо всем рассказала, написала письмо...

– Зачем? – удивилась я.

Лилька выпрямилась, подняла голову и ответила:

– Будет знать Лерка, как хорошими мужиками разбрасываться... У меня вот никого нет, а у нее сразу два, где справедливость?

Моя скромная Лилька... Наверное, она была очень несчастлива все эти годы.

– И не смотри так на меня, я сделала благое дело... Он хороший человек... – сказала она. – Жил бы он вот так всю жизнь с этой идиоткой. Мама, кстати, сказала, что я права.

Тогда я поняла, откуда дул тревожный ветер. Парень был из обеспеченной семьи, и его ждала неплохая карьера.

Лилька на глазах стала решительной, уверенной.

Да, она его утешила. Когда он вернулся, они начали созваниваться, а потом парень предложил ей выйти замуж. Тетя Расима была в восторге. Лиля хотела сыграть свадьбу в Уфе. Она уже представляла, как будет гулять по площади Салавата Юлаева, как они сомкнут замок в парке... Но жених захотел сделать свадьбу у себя в деревне. И позвал всех местных.

В загс пришла и бывшая подружка с родителями. Гости пили самогон, а Лерка с Лилькой вино.

В конце вечера Лерка подошла к ним и сказала: «Желаю, чтоб у вас ничего хорошего не получилось...»

– Нет, ты представляешь, еще про какой-то бумеранг говорила, гадина... – задыхалась от ярости Лилька.

В какой-то момент каждой из нас стало не хватать воздуха при общении.

Раньше я думала, что замужество – абсолютная радость...

Но что-то было странное, болезненное в Лилькином замужестве.

Однажды Лилька зашла ко мне и рассказала, что нашла в телефоне мужа переписку с бывшей – Лерой. А еще в его машине нашла женские трусы. Но что же делать? У них теперь сын, и у нее прекрасная жизнь... Да и тетя Расима все повторяет: «Все мужики изменяют. Думаешь, твой отец мне не изменял?» Я смотрела на Лильку, а видела перед собой женщину со сдвинутыми бровями, размашистыми движениями, со словом «яцыз».

Так зачем я остановила тут эту девушку в ресторане? Мы не виделись лет десять. Я хотела поговорить с ней, как раньше, посмеяться и вспомнить Пашку, карты и рябину на коньяке. Но она не собиралась откровенничать.

Теперь у Лильки муж, сын, «умный дом», песцовая шуба и дырка на колготках. Дырка на колготках – знак. Клеймо, если за шубой, автомобилем и прочими причин-

далами успешной женщины вы забудете, кто такая Лиля. Представим, она приходит в гости к подруге, скидывает с себя шубу, со скрежетом расстегивает тугие кожаные сапоги, а на носке – дырка. Лиля смущается и пытается зажать дырку большим пальцем ноги, она думает, что никто ничего не увидит. А даже если увидит, то из вежливости промолчит.

А я так и не научилась печь пироги и делать лапшу...